

УНИВЕРСИТЕТЬ И КОРПОРАЦІЯ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)

 ЕГОДНЯ мнѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, и сегодня же совершенно случайно я взялся за перо, чтобы продолжать свой дневникъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ приходится вспомнить о самомъ свѣтломъ, отрадномъ періодѣ жизни! Пріятная случайность! По крайней мѣрѣ забудусь на нѣсколько часовъ отъ нависшихъ на плечахъ тяжестей пережитыхъ долгихъ, долгихъ лѣтъ; забудусь тогда, когда жизнь уже покатилась подъ гору, когда, по словамъ нашего великаго Пушкина—

Катить по прежнему телѣга,
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля єдемъ до ночега,—
А время гонить лошадей.

По окончаніи курса въ гимназіи въ 18.. году, я, девятнадцатилѣтнимъ юношемъ, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по чисто юридическому факультету, ибо въ наше время былъ и смѣшанный факультетъ—камеральный, въ которомъ рядомъ съ различными правами — уголовнымъ, гражданскимъ и другими, какъ-то уживались и химія, агрономія, технологія. Факультетъ этотъ составлялъ такое шиктум compositum¹⁾, котораго ни профессоры, ни студенты не могли разобрать.

Молва о прелестяхъ студенческой свободной жизни еще задолго до выхода нашего изъ гимназіи доходила до насть. Бывало идешь по улицѣ совершенно спокойно, но вдругъ сердце забываетъ, почувствуешь не то холодъ, не то жаръ, словомъ что-то совершается въ организмѣ и начинаешь ускорять шаги. Оказывается, что глаза за-

¹⁾ Смѣшеніе, каша.

видѣли студента. И непремѣнно догонишь его, оглядишь со всѣхъ сторонъ и долго, долго потомъ оборачиваешься назадъ на студента, бывшаго для насъ идеаломъ всего лучшаго, дорогаго, достойнаго глубокаго уваженія.

Особенно необыкновенно сильно возбуждала насъ встрѣча съ цѣлой ватагой студентовъ, шедшихъ съ громкимъ говоромъ, нерѣдко съ пѣснями. Господи! такъ бы и влетѣль въ ихъ среду, такъ и распѣловалъ бы ихъ всѣхъ!

5-го іюня портной принесъ студенческую форму. Шляпа, шпага и фуражка были куплены еще мѣсяца за два до конца гимназическихъ экзаменовъ. Радости и торжества при видѣ студенческой формы не берусь описывать. Помню только, что черезъ полчаса я былъ уже одѣтъ и на улицѣ. „Прежде всего заверну въ гимназію, покажусь бывшимъ однокашникамъ. Пускай полюбуются и позавидуютъ“. Гимназисты не только смотрѣть, но даже щупаютъ платье, шляпу и шпагу. Помню, что на вопросъ ихъ: буду ли ходить въ фуражкѣ, я отвѣчалъ: „еще бы не ходить! Развѣ студентъ посмотрѣть на то, что фуражка запрещена въ городѣ. Ну, посадятъ подъ арестъ. Велика важность!“ На другой же день (каюсь, съ оглядкой и не безъ страха, чтобы не попасть на глаза инспектору университета или субъинспекторамъ, изъ которыхъ ни одного еще ни разу не видалъ), на другой день, вечеромъ, въ сумерки, я гулялъ по Англійской набережной въ фуражкѣ, ухарски заломивъ ее на бокъ. Въ то время непремѣннымъ условіемъ настоящаго студента было ношеніе фуражки не стоячей, а блиномъ, чтобы ее можно было загнуть, заломить. Лѣто прошло, какъ сонъ, чудесный, свѣтлый сонъ, воспоминаніе о которомъ въ состояніи вызвать самую отрадную улыбку въ минуты самыхъ тяжелыхъ душевныхъ болей, въ состояніи пахнуть счастью даже теперь, въ пятьдесятъ лѣтъ моей жизни.

Гимназія, съ своими тяжелыми воспоминаніями, осталась позади,— впереди студенчество, такое свѣтлое, радужное, деревня, ласки отца и первая любовь, первая проба сердца двадцатилѣтнаго юноши въ стремлениі любить женщину, юноши, сохранившаго чистоту тѣлесную и душевную, все это было въ состояніи обратить жизнь въ чудный, прекрасный рай! Въ концѣ августа пришлось сказать горячее прости всѣмъ упомянутымъ радостямъ; пришлось даже поплакать при мысли о разлуцѣ съ первымъ предметомъ моей любви. Слезы эти не помѣшили забыть ее, дорогую Катю, уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ чаду студенческой жизни.

Получивъ отъ инспектора свидѣтельство на званіе студента и при немъ надлежащія правила о поведеніи и отвѣтственности за тѣ или другіе проступки, съ грѣхомъ пополамъ заплативъ за мѣсяцъ впередъ за квартиру, ибо, не смотря на хорошую помощь отца, деньги держались въ рукахъ очень плохо, я началъ ходить въ университетъ, но не на лекціи, а къ булочнику Василію, который каждый день являлся

въ шинельную съ различными принадлежностями для ёды. Какъ живой и теперь стоять предо мною этотъ умный, хитрый Василій, въ-рившій въ долгъ и записывавшій въ сальной книжкѣ долги своихъ клиентовъ. Обезпеченій дипломомъ, который рано или поздно придется получать студенту по окончаніи курса, онъ совершенно спокойно записывалъ подъѣдамы булки и пирожки. Эта-то шинельная и была мѣстомъ нашего сбираща, нашимъ форумомъ; здѣсь составлялись компаніи для кутежей и шли толки (по преимуществу частые) о добываніи денегъ, о закладѣ различныхъ вещей, чтобы разживиться какими нибудь двумя или тремя рублями. Здѣсь-же многие изъ насъ, совершию помимо мертвыхъ профессорскихъ лекцій, получили и первые толчки къ умственному движению; здѣсь юноши-студенты, только что оставившіе гимназическую скамейку, узнавали о литературныхъ и другихъ живыхъ новостяхъ, на которыхъ такъ чутка молодежь. Въ шинельной я получилъ предложеніе вступить въ корпорацію Рутенію (Русскую), на что, разумѣется, съ величайшей радостью изъявили полное согласіе. Черезъ три дня послѣ этого мы дали знать, что конвентъ¹⁾ для принятія студентовъ въ корпорацію назначень въ избѣгній день на квартирѣ одного изъ товарищѣй. Съ какимъ-то трепетомъ, съ чувствомъ самаго горячаго ожиданія я думалъ о днѣ конвента. Мысль о томъ, что корпорація и ея собранія составляютъ запрещенный плодъ, ибо они преслѣдовались начальствомъ, еще болѣе возбуждала нетерпѣливое ожиданіе. Наконецъ, желанный день насталъ: въ урочный часъ я былъ на мѣстѣ, гдѣ собралось до 40 человѣкъ студентовъ, которые курять, говорять, смѣются. Въ молодыхъ студентахъ каждая косточка, какъ говорится, ходить. Одинъ изъ старыхъ студентовъ прокричалъ: silentium („тихо“—обычный терминъ для призванія къ порядку!) и пригласилъ всѣхъ садиться. Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ значеніе корпораціи, которая имѣть цѣлью соединить студентовъ, дать имъ возможность сообщаться; имѣть цѣлью наблюдать, чтобы студенты не позволяли себѣ поступковъ, недостойныхъ честныхъ людей, напримѣръ оскорблѣнія женщины, обмановъ, словомъ всего, чего не долженъ дѣлать всякий, кто хочетъ сохранить свою честь безъ пятна и укора. Если явится подобный поступокъ, то студентъ подлежитъ суду чести (Ehrengericht), каковой судъ имѣть право наложить на виновнаго или временное исключеніе изъ общества студентовъ или, въ случаѣхъ болѣе важныхъ, и окончательное исключение изъ университета. Корпорація имѣть цѣлью развить духъ товарищества между студентами, духъ братства до такой степени, чтобы студентъ за студента стоялъ до послѣдней крайности и чтобы это братство переходило во всю послѣдующую жизнь, до какой бы степени ни было различно общественное положеніе бывшихъ товарищѣй.

¹⁾ Сходка.

Не берусь решать, на сколько нынешние студенты боле удовлетворяют своему назначению, какъ студенты, т. е. какъ учащіеся юноши, для которыхъ наука должна составлять все; по всей вѣроятности, принимая въ соображеніе, что поколенія должны постоянно совершенствоваться въ развитіи своихъ духовныхъ силъ, они въ этомъ отношеніи лучше насы; но могу сказать одно, кажется, безъ ошибки, что наша товарищеская связь можетъ служить для нихъ примѣромъ подражанія. За доказательствами у меня дѣло не станетъ: черезъ 26 лѣтъ по выходѣ изъ университета, обстоятельства заставили меня вспомнить объ одномъ высокопоставленномъ товарищѣ, который носитъ графскій титулъ. Сознавая, что онъ много можетъ сдѣлать для меня доброго и вмѣстѣ съ тѣмъ боясь, что 26 лѣтъ могли измѣнить его, т. е. могли обратить студента въ графа, мало доступнаго для обыкновенныхъ смертныхъ, я долго не рѣшался на визитъ къ нему. Наконецъ необходимость взяла свое: я отправился по указанному адресу. На мою карточку послѣдоваль немедленный выходъ графа, который шелъ ко мнѣ съ поднятыми руками и самимъ привѣтливымъ лицомъ. Я было началъ: „Графъ, позволите напомнить... какъ съ его стороны послѣдовало такое возраженіе: „Какъ не стыдно старому буржу говорить такимъ языкомъ, какъ не стыдно забывать, что мы старые студенты, обѣщавшіе всегда быть товарищами“. Разумѣется, на такое привѣтствіе оставалось отвѣтить только поцѣловать и старымъ дорогимъ „ты“. Я не буду говорить подробно о всемъ, что онъ сдѣлалъ для меня, но упомяну только, что едвали братъ могъ болѣе хлопотать по моему дѣлу, чѣмъ онъ, успокоившійся лишь тогда, когда достигъ цѣли.

И въ настоящее время нѣть такого доброго и честнаго дѣла, содѣйствовать которому отказался бы хотя одинъ изъ насы, принадлежащихъ къ корпорации; нѣть случая, когда кто нибудь изъ насы отказался бы помочь другъ другу, несмотря на огромную разницу въ общественномъ положеніи. Вотъ почему мнѣ и приводилось въ жизни оказать помощь многимъ хорошимъ людямъ. Помощь эта только и была возможна при содѣйствіи товарищѣй. Не буду приводить другихъ примѣровъ, которыхъ много, очень много, вполнѣ подтверждающихъ, что въ наше время студенты корпоранты были братья и остались братьями. Въ Деритскомъ университѣтѣ подобные примѣры до сей поры не умерли, благодаря корпоративному духу.

Такъ какъ пишу дневникъ, который станутъ читать тогда, когда меня не будетъ на свѣтѣ (исключая настоящей главы), то безъ сомнѣнія я долженъ желать и хочу быть безпристрастнымъ цѣнителемъ пережитыхъ фактъ, вслѣдствіе чего въ концѣ настоящей главы укажу и на слабыя стороны вообще корпоративного начала и нашей корпорации въ особенности. На сколько возможно для человѣка я употреблю всѣ усилия быть на страницахъ этого дневника безпристрастнымъ цѣнителемъ даже самого себя, своихъ душевныхъ движений и побужденій.

Обращаюсь къ конвенту, о которомъ началъ рѣчь. Послѣ ознакомленія съ существомъ значенія корпораціи, носившей, какъ мы сказали, название Рутеніи, было приступлено къ выборамъ, т. е. избрали сеньора (предсѣдателя) фукс-ольдермана (начальника фуксовъ; фуксы—молодые только-что поступившіе въ университетъ студенты), казначея. Затѣмъ, всякий вновь поступившій въ корпорацію долженъ былъ подписатьсь въ книгѣ избраннымъ имъ псевдонимомъ въ томъ, что онъ свято будетъ исполнять всѣ постановленія команы, т. е. корпоративнаго устава, въ которомъ находились не только главныя существенные правила корпораціи, но и всѣ мелкія правила относительно комерсовъ (большой праздникъ корпораціи, и, конечно, большая попойка), кнейповъ (маленькие праздники, маленькия попойки, на которыхъ сходились болѣе отдаленными кружками, между тѣмъ какъ на комерсахъ участвовали всѣ члены корпораціи), правила дуэлей, бывшихъ въ ходу въ мое время между членами корпораціи, носившихъ нѣмецкое название шкандаловъ. Вызвать на шкандалъ—значило вызвать на дуэль.

Всѣ эти названія, какъ видить читатель дневника, нѣмецкія и по причинѣ очень простой: идею о корпораціи, всѣ правила, постановленія и обычай вывезъ изъ Дерпта одинъ изъ русскихъ студентовъ, увлекшійся духомъ студенческой нѣмецкой жизни.

Первая корпорація, цѣликомъ взятая съ нѣмецкихъ корпорацій, была учреждена въ нашемъ университѣтѣ, сколько помнится, лѣтъ за пять до моего поступленія въ университетъ. Въ какой степени привился нѣмецкій духъ, нѣмецкое корпоративное начало къ русской натурѣ мы увидимъ впослѣдствіи. Я избралъ псевдонимъ Сибиряка, ибо родомъ изъ Сибири. Подъ этимъ именемъ и былъ извѣстенъ въ корпораціи до конца пребыванія въ ней. Разумѣется, ложныя имена избирались на случай печальный: если книга попадетъ въ руки начальства. Новое званіе фукса, официально данное мнѣ корпораціею, было для меня не менѣе пріятно, чѣмъ и званіе студента. Съ большою радостью я вышелъ изъ конвента, въ концѣ . котораго послѣдовалъ кнейпъ. Искренно сознаюсь, что учились мы мало, а жили бойко, на столько бойко, что мы не замѣчали дней, не видали времени. Безденежье, голодъ и другія лишенія не бросали ни малѣйшей тѣни на свѣтлую сторону нашей жизни, которая кипѣла ключемъ, горѣла яркимъ свѣтомъ.

Трудно было винить насть за наше равнодушіе къ ученью; трудно потому, что въ наше время, во многихъ отношеніяхъ тяжелое время, мы не слыхали живаго слова съ каѳедръ различныхъ факультетовъ. Ходили студенты на лекціи къ двумъ братьямъ; одинъ изъ нихъ былъ естествоиспытатель, другой историкъ, посѣщали еще лекціи профессора Международнаго права, который читалъ и Государственное право европейскихъ державъ, и лекціи профессора технологіи. Математическій факультетъ отличался лучшимъ составомъ, чѣмъ другіе факультеты.

Молодость необыкновенно чутка къ истинѣ и необыкновенно скоро отзыается на всякое живое слово, но что же дѣлать, если она вместо истинъ науки слышитъ наборъ словъ и фразъ, вместо живаго преподаванія сухое, мертвое чтеніе изъ года въ годъ повторяющихся записокъ.

Намъ были не чужды многіе общественные интересы, но стремление къ нимъ и вообще къ анализу явлений жизни и природы мы пріобрѣтали, какъ я уже замѣтилъ, въ шинельной, на своихъ частныхъ бесѣдахъ и въ своихъ кружкахъ. Бывали вечера, когда мы проговаривали за полночь, довольствуясь однимъ часомъ, что, впрочемъ, (*amicus Plato, amicus Cicero, sed vero magis amicus veritas*¹), въ большинствѣ случаевъ, происходило отъ неимѣнія денегъ, которыхъ текли у насъ, какъ вода, т. е. я говорю объ отсутствіи вина во время бесѣдъ. Впрочемъ, бесѣды живыя, задушевныя, дававшія толчки нашему умственному развитію, шли горячо и за виномъ, и безъ вина. Конечно, въ этихъ бесѣдахъ и кружкахъ господствовали отдѣльные личности, дававшія толчки умственной дѣятельности менѣе умственно развитыхъ юношей.

Іные споры и пренія длились цѣлые мѣсяцы, и могущественное влияніе ихъ на нашъ умственный ростъ не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Замѣчу также, что изъ общественныхъ вопросовъ насъ мало интересовали вопросы политического характера, ибо условія жизни были совершенно другія. Говорю искренно, что послѣдствіи мы были очень благодарны подобному малому сочувствію къ упомянутымъ вопросамъ, ибо поняли, что развитіе наше въ этомъ отношеніи шло хотя и медленно, но вѣрнѣ и безъ всякихъ увлеченій. Много содѣствовала такому отношенію и корпоративная жизнь, которая съ своими комерсами, фехтбонами, конвентами брала много времени, направляя наши чувства и стремленія по преимуществу къ радостямъ и наслажденію.

Мы, юристы, время отъ времени, для потѣхи, для разнообразія, заходили на лекціи къ профессору одного права, большому законнику и большому оригиналу, но который былъ не въ силахъ толкомъ распорядиться массой своихъ знаній.

Въ его фигурѣ, въ движеніяхъ, въ его своеобразной манерѣ читать лекціи было то, что вносило хотя какое нибудь разнообразіе въ скучное и мертвое чтеніе лекцій большинства нашихъ профессоровъ.

Придешь, бывало, въ шинельную и поджидашь пріятелей, товарищѣй. За однимъ является другой, за другимъ третій. Всѣ сидять и курятъ около Василія. До обѣда еще далеко, утро, что дѣлать? Вечеромъ гдѣ нибудь соберемся, но что дѣлать теперь, въ полдень?

— Господа! скажетъ кто нибудь, не пойти ли къ Петру Николаевичу? онъ теперь читаетъ. Говорить въ послѣдній разъ вся аудиторія такъ и покатывалась со смѣху.

¹) Другъ—Платонъ, другъ—Цицеронъ, но дороже всего правда.

— Идемте, отчего не пойти, отвѣчаютъ другіе. Вѣдь все равно — тоска смертная.

Гурьбой, чѣловѣкъ въ 5, 6, а иногда и до десятка, мы отправляемся къ Петру Николаевичу и натыкаемся на лекцію въ родѣ слѣдующей:

„Знаете ли вы, господа, что такое власть, какъ понятіе юридическое, на которомъ строится весь порядокъ, вся жизнь государства? Вы скажете: знаемъ, Петръ Николаевичъ, знаемъ и безъ твоихъ толкованій. А я вамъ скажу: нѣть, не знаете, никакого понятія не имѣете. Представимъ себѣ, что будочникъ ведеть въ университетъ студента, который гдѣ нибудь подгулялъ и учинилъ какое ни на есть нарушеніе закона. Студентикъ впереди, будочникъ за нимъ. Идетъ имъ на встрѣчу другой студентикъ, конечно же ко мнѣ на лекцію, а для прогулки, напримѣръ, на Петровскій островъ“...

Само собой понятно, что въ аудиторіи раздается гомерический хохотъ, по окончаніи котораго Петръ Николаевичъ продолжаетъ:

„Думаетъ студентикъ: дать развѣ хорошаго туга будочнику, а товарищъ и я убѣжимъ. Ну, что, господа, еслибы онъ далъ туга будочнику, что онъ совершилъ бы? Онъ совершилъ бы преступленіе противъ власти, не смотря на то, что будочникъ послѣдняя спица въ колесницѣ, ибо ниже будочника нѣть власти, но въ его лицѣ хотя и маленькая, всетаки оскорблена власть, а оскорбленная власть требуетъ наказанія виновному“.

Таковъ былъ невинный характеръ лекцій Петра Николаевича, котораго зналъ весь университетъ и къ которому мы относились съ любовью за его мягкость и съ уваженіемъ за его фактическія свѣдѣнія, не смотря на то, что эти свѣдѣнія доставляли намъ по преимуществу веселые часы. Былъ у настъ очень умный, высоко образованный и учений профессоръ, но не хватало человѣческихъ силъ живой, горячей молодости помириться и выносить его убѣдительно сухое, до послѣдней степени однообразное преподаваніе. Гнусить, тянется чтеніе, не измѣняя голоса ни на одну ноту. На экзаменахъ мы его страшно боялись, ибо онъ требовалъ самой строгой точности въ отвѣтахъ, самого отчетливаго пониманія всего имъ прочитанного. Объ его точности и необыкновенной, чисто юридической опредѣленности въ тѣхъ или другихъ юридическихъ положеніяхъ, ходила масса анекдотовъ, очень потѣшныхъ, конечно выдуманныхъ студентами.

Къ декабрю мѣсяцу моя корпоративная жизнь вошла въ полный фазъ своего развитія. Утро, въ большинствѣ случаевъ, посвящалось фехтбоденамъ (уроки фехтования), на которыхъ старые студенты и хорошие бойцы на эспадонахъ, учили молодыхъ. Шо отношенію къ намъ, фуксамъ, эту обязанность учителя исполнялъ нашъ начальникъ — фукольдерманъ. Иногда крѣпко доставалось на этихъ фехтбоденахъ: исполосуютъ такъ, что помнишь нѣсколько недель. Но такие уроки принесли не мало и пользы для настъ: они были хорошей гимна-

стикой, которой въ наше время такъ мало давали педагогического значенія, и научили насъ хорошо владѣть оружиемъ, которымъ, смѣю думать, и теперь съумѣю защититься; для товарищей же, поступившихъ, по выходѣ изъ университета, въ военную службу, они оказались и очень, очень пригодными, что мнѣ удавалось слышать отъ нихъ самихъ. Во всякомъ случаѣ, эти уроки полезно занимали наше время, котораго, за рѣдкими хожденіями на лекції, у насъ было вдоволь.

Какъ фуксъ, я обязанъ быть на кнейшахъ, комерсахъ исполнять приказанія старшихъ студентовъ-бурсаковъ или буршай: долженъ быть набивать имъ трубки, наливать вино, исполнять различныя порученія по дѣламъ корпораціи. По частнымъ своимъ дѣламъ буршай не имѣли ни малѣйшаго права распоряжаться фуксомъ. Еслибы вы, читатель, знали, съ какимъ, не только удовольствіемъ, но даже наслажденіемъ исполнялись всѣ эти порученія и приказанія! Бывало ногъ не слышишь подъ собой, когда бѣжишь куда бы то ни было по распоряженію бурша. Бурши были простые и, такъ называемые, корѣ-бурши. Послѣдніе стояли выше, ибо они, по приговору конвента, обусловленному большинствомъ голосовъ, получали право носить цветную фуражку, состоявшую изъ русскихъ цветовъ: бѣлаго, оранжеваго и чернаго. Сколько помню — самая фуражка оранжевая, окольшокъ бѣлый, крестъ на фуражкѣ черный. Цветные фуражки носились иными постоянно, но конечно подъ чахломъ обыкновенной студенческой фуражки, что нерѣдко соединялось съ болѣшимъ рискомъ, еслибы чаколь случайно слетѣлъ и такимъ образомъ открылъ бы цветную фуражку, ибо начальство видѣло въ нашихъ корпораціяхъ Богъ знаетъ какіе ужасы, между тѣмъ какъ въ существѣ и корпораціи и всѣ нѣмецкія штуки были самой невинной забавой. Необходимо замѣтить, что при назначеніи въ корѣ-бурши принимались въ соображеніе исключительно душевныхъ свойства студента, его честныхъ правила и незамаранная никакимъ пятномъ жизнь. Случалось, что нѣкоторымъ по три раза отказывали въ цветахъ, а нѣкоторые съ тѣмъ и вышли, что не добились ихъ. Чисто бурсацкія свойства — способность много пить, гулять, хорошо драться на фехтбоденахъ не играли при этомъ ни малѣйшей роли. Нерѣдко студенты самые скромные, умѣренные во всѣхъ удовольствіяхъ, не умѣвшіе взять эспадона въ руки, получали цвета, какъ говорилось на нашемъ языке, и именно за свою твердую волю, ясно обозначившуюся честную природу, за свое умственное влияніе на другихъ. Въ этомъ отношеніи наша корпорація, хотя и устроенная на нѣмецкій ладъ, составляла рѣзкое отличие отъ нѣмецкихъ корпораций, въ которыхъ первыми буршами по преимуществу бываютъ первые пѣтухи на попойкахъ и дуэляхъ. Въ своемъ подражаніи нѣмцамъ мы не дошли ни до Bier-Orden, ни до Bier-Taufe (пивное крещеніе), совершающихся въ германскихъ университетахъ надъ молодыми студентами-фуксами. Не имѣли у себя и Bier-König'а (пивного короля). Въ германскихъ университетахъ студентъ, отличающійся лю-

бовью въ дуэлямъ и питью, получаетъ оть Bier-Staat'a кресты, звѣзды изъ фольги или стекла, и самый главный орденъ — большое изображеніе пивной кружки, которое посреди всѣхъ другихъ орденовъ, красуется на цвѣтной лентѣ. Такія потѣхи конечно не могли отвѣтить нашимъ стремленіямъ и нашимъ взглядамъ на веселую жизнь. Нѣть такого русскаго человѣка, который могъ бы съ увлеченіемъ и долго отдаваться различнымъ мелочнымъ формальностямъ, столь дорогимъ для нѣмцевъ. Въ этомъ случаѣ весь вопросъ въ природѣ той и другой национальности.

Не пройду молчаніемъ также обстоятельство большой важности, доказывающаго, что товарищество, несмотря на свою молодость, является необыкновенно вѣрнымъ судьей въ опредѣлѣніи степени развитія добрыхъ и честныхъ душевныхъ свойствъ того или другаго юноши. Искренно говорю, что я не видывалъ суда болѣе вѣрного, болѣе беспристрастнаго, какъ упомянутые выборы въ нашемъ конвентѣ: бывало при выборѣ не можешь дать себѣ отчета вполнѣ яснаго и опредѣленнаго о душевныхъ свойствахъ того или другаго товарища, но рука невольно пишетъ несогласіе, котораго, еслибы потребовали доказательствъ, никакими данными оправдать былъ бы не въ силахъ, а всетаки внутреннее чутье говоритъ, что такой-то не долженъ получить цвѣтовъ. Впослѣдствіи, въ жизни, это безсознательное движеніе, это чутье находили полное оправданіе. Вѣроятно молодость, если и не имѣть опыта, то имѣть особенную силу, заключающуюся въ множествѣ добрыхъ задатковъ, могущихъ поспорить съ опытомъ жизни и логикой.

Точно также и фуксы раздѣлялись на коръ-фуксовъ и простыхъ фуксовъ и точно также въ коръ-фуксы назначались по выбору конвента. Въ концѣ года и я удостоился этой чести.

Какъ коръ-фуксы, такъ и простые фуксы посвящались въ эти званія особыеннымъ образомъ, который могъ имѣть мѣсто только на комерсѣ, т. е. на большомъ торжествѣ. Обрядъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: вновь посвящаемый (если коръ-фуксъ, то въ цвѣтной шапкѣ, если не коръ-фуксъ, то въ простой студенческой) входилъ въ кругъ старыхъ студентовъ, держа въ одной руцѣ эспадонъ и пѣль:

Мечъ, что блещешь предо мною
Незамѣнчивымъ клинкомъ,
Шапку я колю тобою,
Клятвой я клянусь святою
Быть достойнымъ бурсакомъ.

При словахъ: „Шапку я колю тобою“ онъ долженъ былъ проколоть шапку насеквомъ. По дырамъ на шапкѣ,—ибо обрядъ этотъ повторялся на каждомъ комерсѣ,—впослѣдствіи вели счетъ количеству пережитыхъ комерсовъ. Когда посвящаемый кончалъ пѣть приведенные слова, то одинъ изъ коръ-буршней, по преимуществу Сеньоръ корпораціи, держа надъ головой посвящаемаго эспадонъ, пѣль:

Твое чело теперь я покрываю
 И сталью осѣняю.
 Да здравствуетъ нашъ братъ (такой-то) (два раза)
 Будь проклять, кто тебѣ вредить (три раза).
 Тебѣ на вѣкъ мы други,
 Будь братомъ въ нашемъ кругѣ!
 Да здравствуетъ нашъ братъ (такой-то).

Затѣмъ шли хоромъ:

Да гремитъ надъ тѣмъ проклятье,
 Кто унизится изъ насъ,
 Да не знаетъ онъ обѣты,
 И да глухи будуть браты
 На его призывный гласъ.

Кончивъ послѣднее слово, посвящаемый залпомъ выпивалъ стаканъ вина, который ему подавалъ сеньоръ.

Я пишу о дѣлахъ давно минувшихъ дней, очень давно минувшихъ, но и теперь, при одномъ воспоминаніи о пережитыхъ впечатлѣніяхъ во время этого обряда, первная дрожь пробѣгаєтъ по тѣлу. Помню, какъ, кончивъ пѣніе, я истерически плакалъ. Такія хорошия слова слетали съ устъ! Кровь кипѣла и въ эти минуты такъ горячо чувствовалось, что хорошо быть хорошимъ, честнымъ человѣкомъ! Скептики можетъ быть истерику и слезы объяснять достаточнымъ количествомъ выпитаго вина; но могу увѣрить, что до обряда не пили ни одной капли вина, которое вступало въ свои права послѣ обряда. Нѣть, хорошия минуты, лежавшія на днѣ души, добрая сѣмена, свойственные лишь молодости, вызвали упомянутыя, безцѣнныя слезы, о которыхъ съ такимъ чувствомъ вспоминаю и теперь. Такими слезами мнѣ уже болѣе ни разу въ жизни не удавалось плакать.

Развѣ мыслимо, возможно для честной юности, не потерявшей идеаловъ прекраснаго и любви, и вѣры къ людямъ, не плакать при такихъ словахъ пѣсни:

Братья, кубокъ благородный
 За того мы осушимъ,
 Кто съ отвагою свободной
 Чести не влачилъ народной
 Въ жертву идоламъ земныхъ.

Такія дни радости и веселья, такія пѣсни дали намъ возможность сберечь святые идеалы, которые поддерживаютъ насъ и теперь, на закатѣ дней нашихъ.

Замѣтать иные, что всѣ подобные студенческие корпоративные обряды—игрушка, дѣтская забава и достойно сожалѣнія, что юноша тратить на нихъ время. Такъ или иначе, но все-таки скажемъ, что можетъ быть подобныя игрушки избавили насъ, впослѣдствіи, въ жизни, отъ многихъ грѣховъ противъ духа, каковые грѣхи прибавились бы уже къ совершеннымъ въ жизни. Кто разгадаетъ тайну души человѣческой, тайну души юноши, воспринимающей

известных впечатлений въ самые живые и воспримчивые годы, т. е. тайну переработки тѣхъ или другихъ чистыхъ, прекрасныхъ впечатлений? Можетъ быть я лично обязанъ упомянутымъ слезамъ, упомянутымъ словамъ пѣсни, всей игрушечной обстановкѣ, что пошелъ въ жизни по пути, который не привелъ меня къ нравственной гибели, сдѣлалъ изъ меня человека не полезнаго для общества. Неужели такие минуты высокаго наслажденія не имѣютъ ни малѣшаго значенія для развитія психическихъ свойствъ юноши, хотя бы это наслажденіе и было обставлено ребячески? Нѣтъ, господа, кроме вашей книжной психологіи, я признаю еще другую, живую психологію, первыхъ строкъ которой не коснулись даже и великие теоретики-философы; признаю психологію, доступную лишь очень немногимъ избраннымъ воспитателямъ, которые всю свою жизнь посвятили на наблюденія совершающихся, подъ вліяніемъ жизни и природы, подъ вліяніемъ всего того, что мы обыкновенно называемъ мелочами, перерожденій, измѣненій въ душѣ ребенка и юноши. И, Боже мой, какъ мало въ мірѣ такихъ воспитателей! И какъ много такихъ, которые всѣ явленія природы дитяти или юноши стараются подвести подъ одну заранѣе сочиненную ими мѣрку. Подходитъ юноша подъ мѣрку, значитъ—хорошій юноша; не подходитъ—плохой. Имъ не растолкуешь, что надо радоваться, если юноша плачетъ отъ наплыва добрыхъ, честныхъ чувствъ; если онъ не ко всему относится одинаково, если онъ привыкаетъ любить то, что вызываетъ глубоко лежащее на днѣ души его все доброе и хорошее. Хотите узнать, каковъ юноша по своимъ душевнымъ свойствамъ, то дайте возможность развернуться этимъ свойствамъ, проявиться въ той или другой формѣ. Иначе онъ вѣчно останется для васъ неразгаданнымъ, и вы никогда не поймете его, какъ онъ не пойметъ васъ.

Наша корпорація, со своими правилами, основанными на идеяхъ добра и чести, давала выходъ душевнымъ силамъ и такимъ образомъ укрѣпляла настъ на доброму пути, ибо помочь студенту считалась долгомъ самымъ обязательнымъ со стороны всякаго студента корпораціи. Въ этомъ отношеніи мы смотрѣли очень широко: всякий членъ корпораціи долженъ былъ помочь всякому студенту, принадлежавшему къ корпораціи или нѣтъ. Укрѣпившись въ обязательствахъ относительно товарищѣй, мы впослѣдствіи, въ жизни, съ большимъ умственнымъ развитіемъ, легко перешли отъ идеи о помощи страдающимъ и бѣднымъ студентамъ къ идеѣ о помощи всѣмъ людямъ. Подобный ходъ развитія чувства любви къ людямъ совершенно естественъ и понятенъ. И онъ тѣмъ болѣе проченъ, что его на пути развитія искусственно не подталкивали, не форсировали никакія соціальные теоріи, въ то время совершенно недоходившія до настъ. Были временные толки о Фурье, только-что народившіеся въ 40-хъ годахъ, но они скользнули по нашимъ головамъ и пролетѣли безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, ибо жизнь чувствомъ, стремленіе взять отъ жизни

какъ можно болѣе радостей поглощали насть всесѣло и не допускали холоднаго, критического анализа ума по отношенію къ совершившимся вокругъ насть явленіямъ. Въ результатѣ получилось въ года зреѣлые: отсутствие обскурантизма во взглядахъ и мнѣніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствие всякихъ крайнихъ возврѣній на жизнь и ея явленія.

Мы живо помнимъ нашъ судъ чести, о которомъ упомянули выше; помнимъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на насть, когда на немъ, не хуже, чѣмъ въ настоящее время въ любомъ гласномъ судѣ, разбирались всѣ самыя мелкія движенія души при совершенніи товарищемъ того или другаго неблаговиднаго поступка. Неужели такой судъ, такая дѣятельность не воспитывала насть въ правилахъ чести? Результатомъ такого суда были иногда случаи исключенія изъ университета. Само собой понятно, что нашъ судъ равнымъ образомъ не былъ признанъ официально начальствомъ, что однако же мѣшало намъ добиваться, чтобы его опредѣленія приводились въ исполненіе.

Многіе студенты роптали на подобный захватъ власти корпорацію, но до поры до времени подчинялись суду. Всякій протестъ зреѣтъ медленно, оппозиція не создается въ нѣсколько дней. Она проявляется только тогда, когда наберется силы, что случилось и въ исторіи нашей корпорації, какъ увидимъ ниже.

Такъ какъ начальство относилось очень не сочувственно къ корпорації, комерсамъ, конвентамъ и ко всему, что было связано съ корпоративнымъ устройствомъ, то, безъ сомнѣнія, намъ приходилось устраивать наши собранія, комерсы и скандалы (дуэли) въ величайшей тайнѣ, что, впрочемъ, не всегда спасало отъ зоркихъ глазъ полиціи. Такъ, однажды комерсь, устроенный на Васильевскомъ островѣ, былъ открытъ полиціею, и мы принуждены были, послѣ неизбѣжнаго столкновенія съ представителями полицейской власти, разбрѣваться ночью, иные въ однихъ сюртукахъ.

Если-бы не благороднѣйший попечитель нашъ, память о которомъ мы сохраняемъ до настоящихъ дней, то вся эта исторія могла бы имѣть очень гибельный для насть послѣдствія, ибо изъ латинскихъ пѣсенъ въ донесеніи полиціи вышли польскія пѣсни; изъ russкихъ цвѣтовъ, которыми были украшены стѣны комнаты и которые красовались на нашихъ головахъ, вышли какія-то польскія конфедератки, словомъ, дѣло было представлено въ самомъ неблагопріятномъ для насть видѣ. Повторяю, что благороднѣйший попечитель, прекрасно понимавшій и знаяшій все существо нашего праздника, понимавшій, что мы составляли невиннѣйшее изъ невинныхъ обществъ, чуждое не только политическихъ цѣлей, но и всякихъ, какихъ бы то ни было вредныхъ для правительства стремленій, успѣль, какъ говорится, затушить дѣло въ самомъ началѣ, безъ несчастныхъ для насть послѣдствій.

Вспоминаю я, какъ улепетывалъ въ эту памятную для всѣхъ насть ночь, которая, къ счастію, была тепла. Шапка заломлена, сюртукъ въ

рукахъ, страхъ подгоняетъ, а на устахъ все-таки недопѣтая отечественная пѣсня. Съ хохотомъ, гамомъ мы собирались на квартире одного изъ товарищѣй, гдѣ вся ночь пролетѣла въ бесѣдѣ и предложеніяхъ о могущихъ быть послѣдствіяхъ упомянутаго погрома. И какими мы героями представлялись сами себѣ!

Много комическихъ сценъ вспоминается также во время этого бѣгства въ свѣтлую лѣтнюю ночь по улицамъ острова. Какъ нравились всѣ подобныя опасности, какъ горячо билось сердце, какъ хотѣлось больше и больше переживать ихъ и какъ красна была ими жизнь! Но подобныя случайности и опасности имѣли для насъ не малую пользу въ томъ отношеніи, что выработывали въ насъ духъ товарищества, честныхъ правила и убѣжденія, такъ, напримѣръ, вѣчный позоръ тому, кто бросить товарища во время какой бы то ни было для него опасности. Какому педагогу неизвѣстно, что всѣ нравственные правила и указанія остаются пустыми словами, если молодой человѣкъ только слышитъ о нихъ, но не практикуетъ ихъ въ жизни. Только при послѣднемъ условіи, они обращаются въ плоть и кровь. Нѣть, какъ я уже сказалъ, намъ приводилось не разъ оправдывать упомянутыя правила на самомъ дѣлѣ, непосредственно прилагать ихъ въ жизни. Въ этомъ отношеніи наши правила были такъ строги, что даже несправедливый поступокъ товарища, его полная виновность въ данномъ случаѣ не давали намъ права оставить его на произволъ судьбы, и каждый изъ насъ долженъ былъ перенести всѣ мытарства, соединенные съ какимъ бы то ни было поліцейскимъ нарушеніемъ, но не смѣть бросить товарища. Мы не знали, что значатъ слова: „зavarиль кашу, самъ и расхлебывай“. Послѣ, по окончаніи исторіи, мы отдавали товарища суду чести и онъ за свой безобразный поступокъ, навлекшій непрѣятности и на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, подвергался взысканіямъ корпораціи. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно, если преступокъ объяснялся болѣе минутною забывчивостью, происшедшее отъ излишнихъ винныхъ паровъ, чѣмъ прямымъ отсутствиемъ чести и нравственности въ виновномъ, послѣдній подвергался временному исключению изъ среды студентовъ, т. е. онъ оставался студентомъ, но товарищи не имѣли права кланяться ему и говорить съ нимъ въ продолженіе опредѣленнаго времени. По команду, виновный, по истеченіи срока наказанія, входилъ въ обычныя условія жизни и все прошлое предавалось забвенію.

За преступки большей важности съ нравственной стороны, но всетаки не на столько важные, чтобы виновному предложить выходъ изъ университета, т. е. лишить его возможности кончить высшее образованіе, виновный подвергался вѣчному изолированному положенію, т. е. до окончанія курса его въ университетѣ никто изъ членовъ корпораціи не смѣть ни говорить, ни кланяться съ нимъ, ни вступать въ какія-либо сношенія. Желавшій выйти изъ этого, дѣйствительно тяжелаго положенія, могъ просить, чтобы дали ему воз-

можность очиститься отъ грѣховъ кровью, иначе сказать—онъ могъ дратъся съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ корпораціи, причемъ, если контентъ находилъ, что его просьба можетъ быть исполнена, назначалъ ему противника, который избирался корпораціей по жребію. Такой жребій и падъ разъ на моего брата. Чѣмъ-бы ни кончился скандалъ, т. е. кто бы ни остался побѣдителемъ, но, во всякомъ случаѣ, исключенный изъ круга товарищѣй, принимался въ среду членовъ корпораціи и о прошломъ не было помина.

Само собой разумѣется, что бывали случаи и отказа въ упомянутомъ очищеніи и бѣднякъ съ тѣмъ и переходилъ въ жизнь, что уносилъ съ собой отчужденіе товарищѣй. Можетъ быть подобный взглядъ на дѣло былъ довольно жестокъ, но кодексъ нашихъ правилъ соблюдался строго, безъ чего всѣ правила и постановленія не имѣютъ смысла. Вѣдь тоже самое представляеть и жизнь, гдѣ дѣйствуютъ не юноши, а мужи зрѣлые опытомъ и знаніями. Впрочемъ, подобный примѣръ суроваго наказанія, если память мнѣ не измѣняетъ, былъ одинъ во время всего моего пребыванія въ университетѣ и въ корпорації.

Шкандалы (дуэли) составляли, какъ теперь въ Дерптскомъ университѣтѣ и вообще германскихъ университетахъ, почти обычное явленіе среди членовъ нашей корпораціи. Ихъ сохранилось не мало въ моей памяти. На шкандалахъ у каждого противника было по секунданту; затѣмъ, избирался особый uparteischer (посредникъ), который обязанъ былъ считать удары противниковъ, наблюдать, чтобы удары были правильны, т. е. согласны съ правилами команы (устава о дуэляхъ); напримѣръ, не позволялось колоть эспадономъ, а только рубить; не позволялось выпадать (наносить) удары ранѣе команды посредника, который открывалъ поединокъ. Многихъ подробностей я не могу припомнить, хотя не мало поединковъ прошло передъ моими глазами. Дрались обыкновенно до первой крови, потечетъ ли эта кровь изъ большой раны или изъ маленькой, хотя бы послѣдняя и была не болѣе царапины.

Съ какимъ бывало интересомъ услышишь, что такой то такому то послалъ дурака, что означало вызовъ на шкандалъ. Фукс-ольдерманъ, получивъ извѣщеніе о шкандалѣ, немедленно поручалъ одному изъ фуксовъ озабочиться поѣздкой къ оружейному мастеру (жившему въ то время на Мѣщанской) для заказа отточенныхъ клинковъ эспадоновъ. Бывало ѳдешь въ Мѣщанскую ночью, за полученiemъ 4 клинковъ—двухъ для самого шкандала и двухъ запасныхъ,—тихонько пробираешься по двору, условленными знаками стучишь въ дверь, получаешь клинки и съ величайшей осторожностью выносишь ихъ на улицу, гдѣ уже ждетъ извощикъ. Надобно было устроить шкандалъ такимъ образомъ, чтобы ни университетское начальство, въ лицѣ инспектора и субъинспекторовъ, ни полиція не могли накрыть насть на мѣстѣ. Разумѣется, нанять помѣщеніе было не легко, ибо не пред-

ставлялось возможности скрыть процессъ поединка. Наконецъ все устроено, дано знать о часѣ шкандала врачу—старому дерптскому студенту, который съ охотой являлся по нашему зову; для кнейпа, всегда сопровождавшаго шкандалы, также все приготовлено.

Шкандалы, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, исполнялись буквально по нѣмецкому уставу: на голову надѣвалась кожанная каска, на шею волосяной галстукъ, на руки, до самаго изгиба, перчатки, на животъ волосяной набрюшникъ. Оставались открытыми лицо и грудь, верхнія части рукъ и бока. Во всякомъ случаѣ, какъ видитъ читатель, нѣмецкое благоразуміе предвидѣло опасные удары и съумѣло предупредить особенно трагическія послѣдствія, хотя и при подобной осторожности бываютъ исходы плачевные, т. е. дѣло кончается смертельной раной. Впрочемъ, въ исторіи дуэлей нашей корпораціи мы такого страшнаго исхода не помнимъ; въ нашей памяти сохранилась только одна очень опасная рана, которая, благодаря Бога, разрѣшилась благополучно. Противники встали на мензуру (черта, далѣе которой отступать нельзя, исходный пунктъ выпаденій), раздалась команда: становись! скрести клинки! бей! Поединокъ начался. Хорошій боецъ кончаетъ дѣло въ какихъ нибудь пять минутъ. Раздается команда посредника: стой! кровь! Рана свидѣтельствуетъ, и затѣмъ врачъ принимаетъ раненаго на свои руки.

По окончаніи шкандала противники сходятся и цѣлюются въ знакъ полнаго примиренія и забвенія прошлаго. Шкандаль конченъ, принадлежности всѣ убраны подалѣ отъ непрошенныхъ глазъ. Начинается кнейпъ съ своими пѣснями, смѣхомъ, съ своею беззаботною радостью.

Вспоминаются мнѣ оригинальные случаи изъ исторіи комерсовъ. Во время существованія корпораціи „Рутенія“ существовала и корпорація нѣмецкая, носявшая название „Балтики“. Какъ-то пришла намъ мысль сдѣлать съ нѣмцами общій комерсъ. Нѣмцы согласились. Необходимо замѣтить, что по уставу нѣмецкому, которымъ, какъ уже известно читателю, руководствовались и мы, известная пѣсня поется въ известное время и при этомъ выпивается известное вино, даже въ опредѣленномъ количествѣ, такъ что нѣмецъ можетъ напередъ сказать, въ которомъ часу онъ будетъ уже совершенно неспособенъ ни къ дальнѣйшему пѣнію, ни къ дальнѣйшему питью. Наши комерсы обыкновенно начинались очень систематично, но уже далеко до половины пира начинали раздаваться пѣсни, не входившія въ составъ указанныхъ уставомъ пѣсенъ: раздавались, напримѣръ, недумано-негаданно, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ или „Волузахъ, лузахъ зеленыхъ“. Еще далеко до половины вечера иные студенты, забывая всѣ правила и постановленія, всю нѣмецкую дисциплину, снимали сюртуки и оставались въ однихъ рубашкахъ. Взгромоздившись на столъ, они посреди пирующихъ произносили рѣчи, неизвѣстно кому и неизвѣстно о чёмъ. Поднимался, какъ говорится,

дымъ коромысломъ. Все это повторилось и на общемъ съ нѣмцами комерсѣ. Ни удары сеньора (также перешедшаго предѣлы веселья, положеннаго по уставу) эспадономъ по столу, ни его крики: silentium, ad loca¹)! не помогали: все пѣло, шумѣло, кричало безъ малѣйшаго удержа; иные цѣловались, пили брудершафтъ²), обнимались; иные перебранивались. Нѣмцы, строго державшіеся устава, по которому оставалось еще много пѣсенъ и вина до безшабашнаго веселья, были виѣ себѣ отъ злости за наши отступленія отъ устава и дали себѣ клятву никогда вмѣстѣ съ нами на комерсѣ не участвовать, о чёмъ мы ни малѣйшимъ образомъ не сожалѣли.

Въ этотъ комерсъ произошелъ случай, особенно запечатлѣвшійся въ моей памяти: были у насъ два фукса, закадычные пріятели еще съ гимназической скамейки и, какъ пріятели, разумѣется относились другъ къ другу безъ малѣйшаго стѣсненія въ выраженіяхъ, особенно сильныхъ у русскаго человѣка въ минуты разгула и безшабашнаго веселья, когда вино развязываетъ языкъ и выворачиваетъ душу, чего нѣмцу въ вѣкъ не понять. Обнимаясь и цѣлюясь, одинъ изъ упомянутыхъ пріятелей самимъ дружескимъ, задушевнымъ голосомъ сказалъ другому: „какая же ты свинья, Павлушка! Экая ты дурачина!“ Стоявшій вблизи нѣмецъ студентъ, услышавъ упомянутыя выраженія, передалъ своимъ товарищамъ, что оба пріятеля наговорили другъ другу такихъ словъ, послѣ которыхъ они должны непремѣнно драться. На другой день исторія дошла до всѣхъ русскихъ, принадлежавшихъ къ корпорації. Толковали уже о томъ, что нѣмцы проводятъ мысль, до какой степени недостойно студента даже въ шутку употреблять подобныя выраженія, что если подобное выраженіе слетѣло съ языка, то скандалъ неизбѣженъ. Мы рѣшили собрать конвентъ, чтобы обсудить криминаль, совершенный нашими пріятелями-товарищами.

Я пишу эти строки и чувствую, что улыбка не сходитъ съ моего лица при воспоминаніи о тревогѣ, разговорахъ, сужденіяхъ, пережитыхъ нами по поводу упомянутой исторіи; но тогда мы относились къ этому вопросу необыкновенно серьезно и строго. На конвентѣ одинъ изъ пріятелей-студентовъ, о проступкѣ которыхъ идеть рѣчь, доказывалъ очень основательно, что драться съ Павлушкой для него дѣло немыслимое, ибо они друзья закадычные и привыкли обращаться другъ съ другомъ безъ всякихъ церемоній или стѣсненій. Павлушенъка также доказывалъ свое сердечное расположение къ пріятелю и серьезно увѣрялъ, что на друга у него не поднимется рука. Хохоту, конечно, было не мало, но все-таки конвентъ, имѣя въ виду всегдашнюю готовность нѣмцевъ очернить русскую корпорацію и вообще злорадство ихъ по отношенію къ русскимъ, рѣшилъ, что скандалъ долженъ состояться. И дѣйствительно, сколько помню, онъ со-

¹) Тише, молчаніе! на мѣста!

²) Всѣ обязаны были пить брудершафтъ, послѣ чего и говорили другъ другу „ты“.

стоялся, кончившись небольшой царапиной, полученной Павлушкиной. Но все-таки, не смотря на онъ, отношения двухъ пріятелей остались прежнія, и они во взаимныхъ ласкахъ по прежнему прибѣгали къ выраженіямъ, которыя такъ не по сердцу пришлись щепетильнымъ германцамъ.. Нельзя же было заставлять драться двухъ пріятелей по десяти разъ на день. Даже, сейчасъ послѣ скандала одинъ изъ нихъ назвалъ другаго въ припадкѣ нѣжности свинтусомъ.

Встаетъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ добрѣйший инспекторъ, о которомъ всѣ мы сохранили самую свѣтлую память; встаетъ онъ въ памяти при воспоминаніи о скандалахъ и разныхъ нашихъ собраніяхъ, которая такимъ тяжелымъ камнемъ ложились на его душу и отъ которыхъ онъ, конечно, долженъ былъ много страдать. За все отвѣчай, все предупреди, отвѣчай очень строго даже за нарушеніе студентами формы, напримѣръ ношеніе фуражки. Только теперь, въ года зреѣлые, мы оцѣнили вполнѣ все, что онъ для насъ дѣлалъ, на сколько снисходилъ къ намъ и на сколько много мы доставляли ему горя. Да будетъ ему легка могила!

Помню я чудесный лѣтній вечеръ, столь рѣдкій въ Петербургѣ. Довольный, счастливый подъ вліяніемъ пережитыхъ бесѣдъ съ моей Олей, моей второй чистой любовью,—Олей, о которой думалъ и въ самыя тяжелыя, и самыя счастливыя минуты жизни,—о которой думалъ въ минуты поединка, мысленно прощался съ ней, хотя и было мало вѣроятности, что я паду въ честномъ бою,—счастливый шелъ я по Исаакіевскому мосту, находившемуся въ то время ближе къ университету, чѣмъ онъ отстоитъ теперь. Сюrtукъ у меня разстегнутъ, шага въ рукахъ вмѣсто трости, шляпа на затылкѣ, словомъ, видно, что всѣ правила нарушены и что идетъ не военный человѣкъ. Подхожу къ концу моста и вижу инспектора, который ускорялъ шаги, боясь, конечно, чтобы я не ускользнулъ, что не рѣдко бывало со студентами, которые крѣпко стояли на другой день на томъ, что Александръ Ивановичъ ошибся, ибо онъ, обвиняемый въ нарушеніи формы, въ тотъ часъ и день и не думалъ выходить изъ дома. Приложившись къ шляпѣ, конечно безъ перчатокъ, я ждалъ грозной рѣчи и приглашенія явиться завтра утромъ къ нему, инспектору.

— Г. Б.—ъ, началъ инспекторъ тономъ искусственно-раздраженнымъ, ибо еслибы онъ дѣйствительно каждый разъ раздражался отъ подобныхъ встрѣчъ, то ему давнымъ-давно пришлось бы лежать въ могилѣ,—Г. Б.—ъ, вы въ такомъ возмутительномъ видѣ! И вамъ не совсѣмъ?

Все кончилось бы благополучно, ибо я зналъ, что Александръ Ивановичъ совершенно пасуетъ, когда студентъ безъ всякихъ увертокъ сознавался въ своей винѣ и просилъ извиненія. Не было примѣра, чтобы онъ арестовалъ покаявшагося грѣшника. Но меня нелегкая толкнула возразить: „Какой же у меня возмутительный видъ? Я въ шляпѣ, а если держу шагу въ рукахъ, то послѣ пробитія зари это позволяетъ“.

— А, такъ вотъ какъ вы изволите разсудить, сказалъ Александръ Ивановичъ уже дѣйствительно раздраженнымъ голосомъ: по вашимъ правиламъ послѣ пробитія зари позволяетъ употреблять шпагу вмѣсто тросточки. Не слыхалъ я такихъ правилъ, хотя и служилъ въ гвардіи. Оригинальное правило. Потрудитесь завтра пожаловать ко мнѣ. Я разъясню вамъ все правила, какъ военные, такъ и наши университетскія.

Такое приглашеніе ясно означало, что я буду посаженъ подъ арестъ, чтѣдѣйствительно и случилось. Подъ арестомъ, въ аудиторії, Александръ Ивановичъ продержалъ меня ровно 3 дня за разсужденія и непокорность, какъ онъ выразился. Впрочемъ, арестъ въ аудиторії не составлялъ для нась особенного несчастія, потому что чуть не каждый день сидѣли подъ арестомъ человѣкъ пять, а иногда и болѣе, по преимуществу нарушители формы, которыхъ инспекторъ и его помощники обыкновенно ловили на разныхъ общественныхъ гуляньяхъ. Бывало, подъ вечеръ, Александръ Ивановичъ выходить изъ квартиры, а Савельичъ, историческій нашъ швейцарь, служившій съ самаго основанія университета, говорить про себя: „Ну, пошелъ на охоту. Къ ночи-то опять натаскаетъ“. Такимъ образомъ арестованные студенты составляли, какъ видить читатель, довольно большое общество.

Всѣ ждутъ, когда Александръ Ивановичъ отправится на упомянутую ловлю. Наконецъ солдатъ сообщаетъ, что ушелъ. Тогда арестованные въ разныхъ аудиторіяхъ соединяются вмѣстѣ, посылаютъ за виномъ, и время проходить какъ нельзя болѣе пріятно и весело. Карцеръ конечно не представлялъ такихъ удобствъ.

Въ „Дневникѣ“ моемъ значится между прочимъ слѣдующая замѣтка: „22 января 184— г. До экзамена не далеко. Скверно, если не выдержу, тѣмъ болѣе, что далъ слово отцу среди гульбы помнить о переходѣ во 2-й курсъ. Не пора ли засѣсть?“ Но засѣсть я только въ февралѣ и засѣсть такъ, что рѣдко отрывался отъ записокъ. Точно также поступали и всѣ студенты, т. е. съ февраля по май (въ маѣ начинались экзамены), студенты корпораціи и большинство дикихъ (непринадлежавшіе къ корпорації) принимались готовиться къ экзаменамъ. Въ этотъ періодъ времени наши сходки, попойки и различные праздники, если не прекращались совершенно, то, во всякомъ случаѣ, уменьшались очень значительно. Студенты бѣгали по товарищамъ и добывали записки, книги. Въ маѣ мѣсяцѣ начались мои экзамены, которые и кончились наилегчайшимъ образомъ: я перешелъ во 2-й курсъ. Одинъ изъ профессоровъ, экзаменуя меня, выразилъ удивленіе, что я юристъ, ибо не помнилъ, чтобы я бывалъ на его лекціяхъ, а если и бывалъ, то очень рѣдко. Вслѣдствіе этого экзаменовалъ меня, какъ говорится, до седьмого пота; но все-таки поставилъ четыре. До какой степени были молоды наши студенты, (даже и теперь гимназисты слишкомъ молодыми кончаютъ курсъ, что, по нашему мнѣнію, рѣшительно не выдерживаетъ критики въ педагогиче-

скомъ отношении) лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій фактъ, совершившійся на моихъ глазахъ: одинъ мой землякъ, студентъ физико-математического факультета, оборвавшись на экзаменѣ изъ 1-го курса во 2-й, рѣшилъ перейти въ другой факультетъ; но вопросъ о томъ, въ какой именно, нашелъ самымъ удобнымъ разрѣшить жребіемъ. Были написаны бумажки съ названіемъ факультетовъ, кромѣ, конечно, математического, положены въ шапку, и мой землякъ вытащилъ изъ фуражки записку съ юридическимъ факультетомъ. Такимъ образомъ онъ и сдѣлался юристомъ. Вообще факультеты избирались какъ-то машинально, на-обумъ, безъ малѣйшаго соображенія о своей склонности къ той или другой науки. Ничего другаго и нельзя требовать отъ юношей, только что перешедшихъ изъ отроческаго возраста. Безъ сомнѣнія, исключенія, но очень немногія, всегда и вездѣ бывали и бываютъ.

Перехожу къ описанію интереснаго въ моей жизни факта, а именно, къ описанію шкандала, который я имѣлъ съ однимъ изъ лучшихъ и близкихъ моихъ пріятелей, студентовъ. Нѣтъ необходимости говорить, что поединокъ съ такимъ близкимъ человѣкомъ могъ совершиться только въ жизни юношей, способныхъ, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, на всякий рѣшительный поступокъ. На какомъ-то кнайпѣ я и мой упомянутый товарищъ заспорили о такихъ пустякахъ, о которыхъ въ сущности не стоило и говорить. Слово за слово, шире да дальще, наконецъ мой пріятель въ разгарѣ спора выразился: „Ты стоишь того, чтобы тебѣ послать дурака“. Я безъ малѣйшаго замедленія отвѣчалъ: „Я стою посыпки дурака, какъ ты говоришь, а я прямо посыпаю тебѣ дурака. Кушай его на здоровье“. Исторія живо разнеслась, и тутъ же было рѣшено, что между нами долженъ состояться шкандалъ. Не откладывая въ даль, я на кнайпѣ же выбралъ секунданта, павшаго впослѣдствіи подъ Карсомъ, когда въ Азії дѣйствовалъ Муравьевъ. Мой противникъ также нашелъ секунданта, который на кнайпѣ же и принялъ мой вызовъ, переданный моимъ секундантомъ. Считаю необходимымъ сказать, что мой противникъ Недѣдовъ жилъ вмѣстѣ со мной на одной квартирѣ. Три дня, прошедши до шкандала, мы вмѣстѣ ѣли и спали въ одной комнатѣ.

Такъ какъ я уже имѣлъ случай заявить, что хочу быть правдивымъ историкомъ, то и не скрою, что состояніе своего духа предъ поединкомъ не могъ назвать совершенно покойнымъ: невольно приходила въ голову мысль, что смертельный ударъ, хотя и очень рѣдкій, но все-таки возможенъ. Студенты толковали, что я изрублю своего противника въ котлетку, ибо я дрался очень хорошо; нѣкоторыхъ ударовъ моихъ, мною созданныхъ, не всегда могли парировать лучшіе бойцы; между тѣмъ какъ мой пріятель положительно не владѣлъ эспадономъ и только послѣ моего вызова началъ учиться. Дошла до меня молва, что онъ намѣренъ рубить сплеча, безъ всякихъ правилъ. Въ день поединка мы въ одной и той же комнатѣ надѣли чистыя

рубахи, одѣлись и вмѣстѣ вышли изъ квартиры. Оставалось только вмѣстѣѣхать на одномъ извозчикѣ, чего вирочемъ не сдѣлали.

Совершился обрядъ одѣванія всѣхъ принадлежностей шкандала; секунданты отдѣлили намъ, какъ древнимъ рыцарямъ на турнирахъ, свѣтъ и воздухъ; провели mensur'у, т. е. границу, на которой долженъ стоять каждый изъ противниковъ. Мы, временные враги, стояли на mensur'ахъ и ждали команды *unpragteischer'a* (посредника). Наконецъ его голосъ раздался: „Становись!“

Мы приняли боевое положеніе.

— Скрестись! раздался вторично голосъ посредника.

Мы скрестили клинки.

— Выпадай! раздается новая команда.

Мой противникъ сдѣлалъ первый ударъ. Не успѣль я порядочно отпариовать его удара, какъ безъ всяаго толку, помимо всѣхъ правиль, съ необыкновеннымъ азартомъ, посыпались его удары. Я растерялся, говори по просту, т. е. называя всяку вещь ея именемъ, струсила, попятился назадъ, затѣмъ сдѣлалъ еще шагъ назадъ. Мой секунданть шепнуль мнѣ: „Что ты дѣлаешь, стыдъ! Вѣдь ты отступилъ уже за мензуру“. Слово стыдъ подействовало на меня электрически; заговорило самолюбіе, заговорило тѣмъ болѣе сильнѣе, что я самъ сознавалъ свою робость, свой страхъ предъ смѣлимъ натискомъ противника.

— Смотри, какъ онъ открывается, продолжалъ шептать мой секунданть.—Бей его въ открытое мѣсто.

Вставъ опять на мензуру и вполнѣ собравшись съ духомъ, я сдѣлалъ ложный ударъ (финту) и затѣмъ нанесъ ему въ животъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ, отпариовать который могли немногіе. И теперь, спустя много лѣтъ, я мысленно возношу благодарность предусмотрительности нѣмцевъ, у которыхъ опасныя части тѣла, какъ мы говорили выше, защищаются очень солидно. Мой ударъ былъ таъ силенъ, что прорубилъ не только замшу, но довольно глубоко и самъ волосъ, бывшій въ набрюшникѣ. Докторъ, находившійся при шкандалѣ, пришелъ въ ужасъ при мысли, что подобный ударъ могъ бы быть данъ по животу незащищенному и тогда, по всѣмъ соображеніямъ, исходъ бы былъ самый печальный. Юношеское увлеченіе, юношеская необдуманность могли наложить на мою совѣсть вѣчный, страшный укоръ. Благодарю Бога отъ всего сердца за такой счастливый исходъ.

Шкандалъ кончился тогда, когда мой противникъ отрубилъ мнѣ часть большаго пальца лѣвой руки и надрубилъ лежавшій съ нимъ палецъ. Отрубленная часть была немедленно поднята врачомъ съ пола, обмыта въ теплой водѣ, приложена къ мѣstu и перевязана. Чрезъ нѣсколько недѣль, вопреки ожиданіямъ врача, часть пальца совершенно приросла, что въ медицинской практикѣ составляетъ явление не совсѣмъ обычное. Доказательство, т. е. рубецъ, очень ясно обозначен-

ный, сохранилось до сей поры. Послѣ удара, мню нанесеннаго, я, подъ вліяніемъ могущихъ быть печальныхъ послѣдствій, былъ совершенно парализованъ и боялся, чтобы не нанести вторичнаго подобнаго удара, слѣдовательно дрался болѣе механически, чѣмъ съ сознаніемъ. Только благодаря этой случайности моему противнику удалось кончить дѣло побѣдою.

Такъ какъ я во время упомянутаго поединка находился подъ вліяніемъ теплой и чистой любви къ Олинькѣ, только что выпущенной институткѣ, то и не могу не вспомнить, до какой степени ея образъ носился предо мной со времени вызова до конца скандала. Воображеніе гуляло на просторѣ: я представлялъ себя раненымъ на смерть, представлялъ ее у моей смертной постели, съ поднятыми руками и съ горячей молитвой на устахъ, чтобы Господь помиловалъ меня и даровалъ мнѣ жизни. Представлялъ себѣ, то свои похороны и ее идущую за гробомъ, убитую горемъ; то свое выздоровленіе, ея радость и ухаживанье за мной. Какія свѣтлыя и вмѣстѣ съ тѣмъ теперь, въ 53 года жизни, какія вызывающія невольную улыбку воспоминанія! Гдѣ она и что съ ней теперь? Можетъ быть она прочитаетъ эти строки и также улыбнется со вздохомъ, какъ улыбаюсь я въ настоящія минуты.

Наканунѣ скандала я былъ на небольшомъ кнайпѣ. Разумѣется, пѣли. Сколько бы я ни прожилъ, но все-таки буду хранить въ памяти этотъ вечеръ. Когда запѣли пѣсню:

Для дѣвъ хранимъ мы сердце молодое
И пьемъ за здравье ихъ,
Да здравствуетъ веселье удалое
Студентовъ молодыхъ (три раза),

то я пѣль съ невыразимымъ наслажденіемъ и увлеченіемъ. Предстоящій поединокъ, кругомъ горячая жизнь юношей, изъ которыхъ не было ни одного старше 22 лѣтъ, Олинька, шестнадцатилѣтняя, съ своими кроткими, голубыми глазами, моя любовь къ ней и ея, полная нѣжности и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтской простоты рѣчи, все это было по струнамъ души, готовой разорваться, улетѣть куда-то, уничтожиться. Да, господа современные юноши, вы и понятія не имѣете о тѣхъ чудныхъ дняхъ, которые переживали мы; понятія не имѣете, что такое юность — эта поэзія и рай жизни. Для васъ она мѣка и страданіе.

Трудно сказать, что дѣжалось съ нами во время круговой пѣсни:

Наливъ бокалы всѣ полнѣй,
Вокругъ тебя мы встанемъ
И въ честь красавицы твоей
„Да здравствуетъ“ мы грянемъ,
Какъ, братъ, красу твою зовутъ?

Въ отвѣтъ выкрикивались дорогія, завѣтныя имена. И какъ выкрикивались! Бывало отъ моего крика: „Оля“! сосѣди затыкали уши и говорили: „лопнетъ у тебя когда нибудь горло отъ твоей Оли“.

Выслушавъ имя, всѣ студенты отвѣчали хоромъ:

Да здравствуетъ же Оля (два раза),
Да здравствуетъ она!

Говорить о дальнѣйшемъ продолженіи моего университетскаго курса совершенно бесполезно, ибо значило бы повторять уже то, о чмъ мы говорили не мало. Комерсы, конвенты, шкандалы, периодическая занятія для экзаменовъ, все это смѣнялось своимъ чередомъ, съ той лишь разницей, что многіе изъ настъ значительно двинулись впередъ по пути умственнаго развитія: вошли въ интересы литературы, театра, толковали о политическихъ событияхъ въ Европѣ. Помню, какъ мы зачитывались „Кто виноватъ?“ и вообще всѣмъ, что въ то время составляло вопросъ дня. Искандера, какъ писателя, мы ставили высоко. Бѣлинскому поклонялись, и онъ имѣлъ огромное влияніе на наше развитіе. Дѣйствительно, этотъ критикъ воспиталъ цѣлый поколѣнія. Мы болѣе чѣмъ послѣдующія поколѣнія поняли его значеніе въ исторіи нашей цивилизациі, ибо его сверстники.

Расскажу въ заключеніе о протестѣ противъ корпораціи, который проявился во всей силѣ со стороны дикихъ, т. е. студентовъ непринадлежавшихъ къ корпорації, въ концѣ моего курса, когда я находился въ университете четвертый годъ. Протестанты выбрали своихъ представителей съ тѣмъ, чтобы допустить послѣднихъ на конвентъ, гдѣ они заявлять нѣкоторые свои взгляды по отношенію къ корпораціи. Мы согласились на упомянутое допущеніе дикихъ въ конвентъ, который оставилъ по себѣ память въ исторіи корпораціи.

Упомянутые депутаты заявили, что они отъ лица большинства студентовъ протестуютъ противъ права корпораціи призывать къ своему суду студентовъ, непринадлежащихъ къ корпорації; противъ захвата власти, которой корпораціи никто не давалъ. Начались споры, отвѣты съ нашей стороны, начались обоядныя остроты, пикировки. Наконецъ депутаты, увлеченные споромъ, коснулись и устройства корпораціи, до чего имъ собственно не было никакого дѣла. Они могли не принимать участія въ корпораціи, не признавать ея права судить дикихъ; но изъ этого не слѣдовало, чтобы они имѣли право мѣшать намъ устроить корпорацію съ формальностями, съ которыми мы хотѣли ее устроить. Депутаты начали доказывать, что всѣ эти нѣмецкія штуки болѣе чѣмъ смѣшны, что учрежденіе фуксовъ, обязанныхъ исполнять лакейскія услуги, просто возмутительно; что всѣ наши шапки, цвѣта, обряды не болѣе какъ игрушки; что дуэли — безобразіе, съ которымъ не можетъ помириться ни одинъ умственно развитый человѣкъ. Въ концѣ конвента нѣкоторые даже изъ нашихъ, покоряясь силѣ доводовъ новыхъ для нихъ взглядовъ, о которыхъ они до сей поры и не думали, пристали къ депутатамъ и отреклись

отъ своей корпорації. Совершился значить расколъ — первый и ося-
зательный признакъ, что дни учрежденія сочтены. И дѣйствительно,
корпорація начала послѣ этого конвента распадаться, а послѣ нашего
выпуска умерла окончательно.

Что касается до меня, то долженъ сознаться, что я не подда-
вался никакой логикѣ, никакимъ доводамъ и крѣпко стоялъ за ма-
лышную нашу формальность, за самый незначительный нашъ обы-
чай. Безъ сомнѣнія, подобную свою стойкость я могу объяснить
лишь своимъ недоразвитiemъ, непониманiemъ силы означеннаго про-
теста, въ которомъ была и правда, и были свѣжія, новые мысли.
Чрезъ нѣсколько лѣтъ, по выходѣ изъ университета, когда я отрез-
вилъся отъ угара корпоративной жизни, то очень хорошо понялъ спра-
ведливость въ извѣстной степени доводовъ упомянутыхъ протестан-
товъ-студентовъ; но до сей поры не соглашаюсь съ ними по отноше-
нію къ суду чести, значеніе котораго они не признавали, какъ на-
шего учрежденія, но между тѣмъ не хотѣли ввести въ него и своихъ
депутатовъ. Въ то время намъ слѣдовало крѣпко отстаивать судъ
чести и слѣдовало употребить всѣ усилия, чтобы расширить его зна-
ченіе; но, къ сожалѣнію, мы болѣе отстаивали нашу корпорацію съ
ея обрядами и формами, чѣмъ судъ чести, — лучшее доказательство
незрѣлости нашихъ мыслей и взглядовъ на вопросы общественные.
Въ хорошихъ сторонахъ корпораціи читатель имѣлъ случай убѣдиться
изъ описанія моей жизни и всего корпоративного строя; дурная же
сторона корпораціи заключалась прежде всего въ томъ, что мы полу-
чили слишкомъ узкий взглядъ на другія сословія, неимѣвшія отно-
шенія къ университету. Даже дикие, хотя и студенты, не были вполнѣ
студентами по нашимъ понятіямъ. О другихъ сословіяхъ не могло
быть и рѣчи, ибо мы считали ихъ людьми, стоящими виѣ критики,
сохраняя убѣжденіе, что честнѣе, лучше, во всѣхъ отношеніяхъ
умнѣе, справедливѣе студента не можетъ быть и человѣка на бѣломъ
свѣтѣ. Подобный взглядъ на столько вѣѣлся въ нашу природу, что
даже и теперь, знакомясь съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, я, и безъ
сомнѣнія многіе изъ моихъ товарищей, прежде всего интересуюсь
узнать: студентъ онъ или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ смотришь на
него какими-то подкупленными глазами. Встрѣтить русскаго студента,
бывшаго въ корпораціи, не представляется возможнымъ, ибо сколько
извѣстно, въ русскихъ университетахъ существовала только наша
корпорація, вслѣдствіе чего мы свою любовь къ студентамъ-буршамъ
и-неволѣ должны были перенести на всѣхъ студентовъ всѣхъ универ-
ситетовъ, какъ такихъ людей, которые къ нашему идеалу человѣка
стоять все-таки ближе, чѣмъ всѣ остальные смертные. Если бы въ
нашѣ времена юноши различныхъ специальныхъ учебныхъ заведеній
получили право называться студентами, какъ они называются теперь,
то мы бы были бы подавлены горемъ и удивленіемъ, что подобное зва-
ніе могутъ носить какіе бы то ни было юноши, кромѣ студентовъ

университета. За то съ другой стороны даже и въ настоящее время меня крѣпко печалить всякая молва, всякое извѣстіе о безнравственномъ дѣйствіи человѣка, вышедшаго изъ университета. Много корпоративная жизнь вредила и нашимъ занятіямъ, поглощая своимъ интересомъ почти все наше время. Худы-ли, хороши-ли были профессора, но дѣло въ томъ, что непринадлежавшіе къ корпорації посыпали лекціи несравненно усерднѣе, чѣмъ мы.

До сей поры мы, бывшіе студенты-бурши, собираемся разъ въ годъ, въ день учрежденія корпораціи и вспоминаемъ наши свѣтлые юношеские годы. Надобно ли прибавлять, что ряды наши рѣдѣютъ и рѣдѣютъ.

Они (друзья) разбросанные спать
Кто здѣсь, кто тамъ на ратномъ полѣ
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы братски поминали. (Пушкинъ).

Волей-неволей моя университетская жизнь, которую я передаю здѣсь читателямъ, заставляетъ меня мысленно перенестись къ современнымъ юношамъ.

Наша юность стоитъ уже далеко позади настѣ, современные юноши живутъ на нашихъ глазахъ. Да, дорогіе юноши, мы забавлялись игрушками, мы шалили и мало занимались дѣломъ, т. е. непосредственнымъ своимъ дѣломъ—наукой; мы были чужды многихъ вопросовъ, которые поглощаются вашу жизнь; мы мало жили умомъ, а больше чувствомъ. Да, правда, повторяемъ—правда. Но говорю вамъ искренно, какъ можетъ говорить человѣкъ на закатѣ дней своихъ, что мы не отдадимъ своей юности за вашу. Мы не возьмемъ вашихъ думъ, вашихъ стремленій, заставляющихъ склонять голову предъ дѣйствительностью, убивающихъ свѣжесть и поэзію жизни, перерождающихъ васъ, двадцатилѣтнихъ, въ старцевъ, для которыхъ нѣтъ идеаловъ, разбитыхъ вами безпощадно тогда, когда только и можно жить идеалами; не возьмемъ всего этого, вамъ принадлежащаго, за свои пѣсни, за свои чудныя ночи, за свою свѣжесть, за свои чистыя, золотыя мечты, за свою поэзію. Вы, въ 17, 20 лѣтъ жизни нерѣдко разрѣшаете накипѣвшіе на дѣвушкахъ душу вопросы и задачи выстрѣломъ въ лобъ, а мы въ ваши годы жили всѣми малѣйшими фибрами тѣла и души; мы хватались за жизнь всѣми своими чувствами, дорожили жизнью, ибо видѣли въ ней не мученіе, а высокое наслажденіе. Рѣшайте сами: мы ли, юноши 40-хъ годовъ, жили, или вы, современные юноши, живете болѣе согласно съ закономъ природы, въ которой есть свои весна, лѣто, осень, зима! Мы были въ свое время молоды и теперь, въ свое время, старики; мы спасли, хотя и не цѣльне, а все-таки остатки нашихъ идеаловъ; мы, на закатѣ дней, оглядываемся на свѣтлую полосу юношеской жизни и находимъ въ этой свѣтлой полосѣ утѣшеніе среди пере-

живаемыхъ невзгодъ и всяческихъ душевныхъ страданій. Но гдѣ ваше утѣшеніе, которое понадобится вамъ въ будущемъ? Гдѣ у васъ эта свѣтлая полоса, о которой и теперь мы вспоминаемъ съ радостной улыбкой?

Часто встаютъ въ воспоминаніи образы и сцены. Ты, нашъ маленький, подвижной, какъ ртуть, товарищъ, во весь ростъ рисуешься предъ моимъ умственнымъ взоромъ. Я вижу тебя, слышу твой дѣтски-чистый смѣхъ въ то время, когда наступаетъ твоя очередь надѣть единственный нашъ сюртукъ, ибо остальные три сюртука, принадлежащіе мнѣ и товарищамъ, уже давно заложены; вижу, какъ ты дѣлишь полученные отъ бѣдняка-отца 10 рублей и съ истиннымъ наслажденіемъ отдаешь ихъ въ общую артель, незнавшую словъ: мое и твое.

Вижу и тебя, рѣчный шутникъ и каламбуристъ, какъ ты, съ какой-то торжественностью разставляешь силки на окнѣ и съ трепетомъ ждешь, забывая все и всѣхъ на свѣтѣ, но помни лишь о томъ, что у всѣхъ нась 12 копѣекъ капитала; ждешь прилета голубей, чтобы поймать ихъ и сварить супъ, изжарить жаркое. Наконецъ голуби пойманы, супъ и жаркое готовы, и мы уничтожаемъ ихъ съ наслажденіемъ молодости, съ наслажденіемъ, непонятнымъ даже богачу за его роскошнымъ обѣдомъ. Помню покупки чаю, сахару на какія-нибудь 15 копѣекъ; помню холодъ отъ нетопленныхъ печей и, наконецъ, какъ теперь вижу наше торжественное шествіе изъ квартиры по приглашенію хозяина, съ единственной собственностью—исторической этажеркой,—хозяина, просившаго не о деньгахъ, но лишь объ одномъ, чтобы мы съ миромъ отправились отъ него и обрѣли бы себѣ другое пристанище. Помню и тебя, Коля, торжественно выступающаго въ этомъ шествіи въ женской кацовайкѣ, за неимѣніемъ шинели и въ студенческой шапкѣ, ухарски загнутой на бокъ; помню и приходъ нашъ на квартиру къ товарищу, котораго мы застали лежавшимъ въ темнотѣ за неимѣніемъ свѣчей, вслѣдствіе чего съ нетерпѣніемъ ждали дневного свѣта, появленія той свѣчи, которая одинаково свѣтила и бѣднымъ, и богатымъ. Помню всѣхъ васъ, дорогихъ братьевъ, готовыхъ отдать послѣднюю рубашку товарищу, сердечно отзывающимся на всякое чужое горе и страданіе. Привѣтъ живымъ изъ васъ, миръ и покой лежащимъ въ могилахъ! Васъ послѣднихъ мы до сей поры поминаемъ тѣ нашей завѣтной пѣсни:

Умчится-ль кто изъ дружескаго круга
Харона быстрою ладьей,
Товарищи, поплачемъ въ память друга,
Да мирно спитъ онъ подъ землей!
Слезы смѣшаешь съ кипучимъ виномъ,
Пусть неизрѣдѣнныи почтѣтъ онъ сномъ!

Но въ то далекое время мысль о смерти не долго тяготѣла надъ нашими молодыми душами. Жизнь юная и горячая брала свое. Мы пѣли:

Товарищи! пока угодно небу,
 Да будетъ жизнь въ отраду намъ!
 Придетъ пора: поклонъ прощальный Фебу,
 И въ пристань пустимся къ отцамъ.
 Други! смышаляемъ торжественный глашъ
 Со звономъ стакановъ въ сей радостный часъ.

Изъ цѣлаго ряда воспоминаній встаетъ прощальный вечеръ, когда мы покидали университетъ, по окончанію курса. До мелкихъ подробностей воскресаетъ въ памяти этотъ незабвенный вечеръ, открывшій намъ двери жизни общественной, стоявшій на порогѣ юности и сопряженныхъ съ нею радостей и лѣтъ возмужалыхъ, съ ихъ опытомъ и невзгодами.

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской
 Товарищи, вкушаю среди васъ.
 Сей говоръ чашъ, свободный дружбы глашъ,
 Сей крикъ и шумъ—разливъ души бурсацкой—
 Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ.
 Могучій Богъ ведетъ меня далече
 Отъ васъ, monkъ согражданъ бурсаковъ.
 Найду ли гдѣ поэзію трудовъ,
 Нашъ дивный бытъ и иаменное вѣче,
 Живую рѣчь и мысли безъ оковъ.

И сколькихъ изъ тѣхъ, съ которыми я проводилъ послѣдній вечеръ студенческой жизни, уже нѣть между нами. Они давно послали, по словамъ пѣсни, поклонъ прощальный Фебу. Когда-то мой чередъ? Простите, господа, что началъ за здравіе, а свѣль за упокой, ибо говорю не я, а законъ природы. Всякому возрасту свое: одному жизнь, другому смерть. Я стою на томъ рубежѣ жизни, съ которого виднѣется, хотя еще въ туманѣ, шествующая смерть, такъ что я могу протянуть ей руку и не особенно долго ждать, что она подастъ свою холодную и, во всякомъ случаѣ, страшную руку, хотя смерть, какъ говорить Сенека, есть порогъ жилища споѣйствія.

И. В.—ъ.

